

Л и т е р а т у р а :

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959.
2. Заморий Т. П. Современный русский рассказ. К., «Наукова думка», 1968.
3. Короткевич В. «Что случилось с рассказом?» — «Литературная газета», 1972, 11 октября.
4. Нинов А. А. Современный рассказ. Из наблюдений над русской прозой (1956—1966). Л., «Худож. лит.», 1969.
5. Огнев А. В. О поэтике современного русского рассказа. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
6. Роменец М. В. Проблема гуманизма в современном русском рассказе. Харьков, Изд-во Харьков. ун-та, 1969.
7. Фащенко В. В. Новели і новелісти. К., «Радянський письменник», 1968.
8. Фащенко В. В. Из студій про новелу. К., «Радянський письменник», 1971.
9. Шкловский В. В. Тетива. О несходстве сходного. М., «Советский писатель», 1970.
10. Шубин Э. А. Жанр рассказа в литературном процессе. — «Русская литература», 1965, № 3.
11. Шубин Э. А. Принципы раскрытия характера в современном русском рассказе. — «Русская литература», 1966, № 2.
12. Шубин Э. А. Жанр рассказа в современном советском литературоведении. — «Русская литература», 1972, № 1.
13. Шубин Э. А., Ершов Л. Ф., Бритиков А. Ф. Рассказ 60-х годов. — В сб.: Русский советский рассказ. Л., «Наука», 1970.
14. Шубин Э. А. О национальном своеобразии русского рассказа. — В сб.: Русский советский рассказ. Л., «Наука», 1970.
15. Шубин Э. А. О рассказе и устном повествовании. — В сб.: Поэтика и стилистика русской литературы. Л., «Наука», 1971.
16. Шубин Э. А. Современный русский рассказ. Л., «Наука», 1974.

И. Л. Чернова

*Кафедра русской литературы
Львовского университета*

Новое исследование звуковой структуры стиха

Гончаров Б. П. *Звуковая организация стиха и проблемы рифмы.* М., 1973.

Современное стиховедение изучает структуру поэтического текста на разных уровнях: метрическом, строфическом, звуковом, ритмико-интонационном и, конечно же, смысловом. Соответственно можно говорить об основных типах методик, разработанных отечественным и зарубежным стиховедением: 1) характеристика стихового строения на основании данных о признаках различных систем стихосложения (нормативные курсы); 2) исследование природы ритмических единиц на материале народнопесенного творчества с целью установить основы национального стихосложения; 3) статистика метрических форм в их отношении к ритмообразованию; 4) систематика ритмических единиц в

связи с закономерностями развития национальных языков; 5) изучение ритмики с точки зрения единства содержания и формы художественного произведения.

Приемы исследования, независимо от избранного предмета и методов, взаимосвязаны с методологическими позициями исследователей. Вопросы стиховедения, кажущиеся столь далекими от проблем идеологической борьбы, требуют такой же методологической вооруженности и четкости позиций ученого, как и любые другие проблемы в области гуманитарных наук. Так, различные теории стиха, предлагающие изучение его строения как самодовлеющего начала, или изолируют национальный стих от мировой культуры стиха, или не касаются главного вопроса — вопроса о ритмике как компоненте образной формы, что прямо вытекает из диалектического подхода к стихотворному произведению с точки зрения единства и многообразия художественного творческого процесса.

Советская филология 60—70-х годов сделала ошугимый шаг вперед в раскрытии сложности и богатства стиховой культуры, путей ее исторического развития, современных поисков и достижений. «В современном стиховедении переплетаются проблемы теории и истории литературы, языкознания, психологии, особенно психологии речи, музыковедения, вероятностной статистики, теории информации и акустики, но каждая из перечисленных наук не охватывает стих и не стремится к этому» [1, с. 5]. И все же каждая из названных наук и перечисленных в начале рецензии методик исследования раскрывают какую-то существенную часть целого. Поэтому весьма важно, что изучение стиха не замыкается в каком-либо одном направлении, как было, например, в 20-е годы, когда абсолютизация статистических методов привела к «голому» формализму, или в 30—40-е, когда в борьбе против формализма порицались всякие попытки углубиться в секреты техники стиха. Приятно отметить, что в расширении круга исследовательских вопросов в области стихосложения чувствуется консолидация научных сил, в чем немалая заслуга ученых Института мировой литературы АН СССР и, в частности, известного теоретика члена-корреспондента АН СССР проф. Л. И. Тимофеева. Под его редакцией выходят интересные и ценные труды по вопросам стиховедения, представляющие разные участки науки как в отношении тематики, так и частных методик, однако общая методологическая направленность этих работ едина — диалектический подход к изучению художественного творчества. краеугольным камнем которого является признание содержательности всех его форм.

Вышедшие недавно под редакцией Л. И. Тимофеева книги о стихе «Современный русский стих. Метрика и ритмика» М. Л. Гаспарова (М., «Наука», 1974) и «Звуковая организация стиха и проблемы рифмы» Б. П. Гончарова (М., «Наука», 1973) — весомое пополнение стиховедения по разделам статистики и изучения звука (разумеется, в его словесном «существовании») как первичного материала стиха.

Книга «Звуковая организация стиха и проблемы рифмы» решает два главных вопроса: первый — состав понятия звуковой структуры стиха и проблемы ее изучения и второй — значение рифмы в звуковой структуре. Несколько параграфов монографии посвящено критическому обзору современных методик анализа стиха на разных его уровнях, в которых дана принципиальная оценка методологически неприемлемых для нас структуралистского и неформалистического подхода к явлениям художественного творчества, в частности

стихотворной речи (гл. I, часть I — «Принципы анализа звуковых элементов стиха»). Следуя ленинскому тезису о содержательности формы, автор справедливо утверждает, что «через особое звучание стиха выявляются его смысловые и содержательные особенности» [1, с. 5]. Предмет исследования — звуковая природа стиховой речи: от особенностей ритма и интонации до частных вопросов — функции рифмы и звукописи. «Исследование звуковых явлений стиха в отрыве от его ритмико-интонационных свойств неплодотворно, ибо не учитывает специфику стихотворной речи» [1, с. 28]. Автор устанавливает четыре фонико-ритмические и интонационные единицы, «из которых две фонико-ритмические (строка и строфа) и две интонационные (предложение и интонационный период)» [1, 92].

В 15-ти параграфах первой главы, посвященной подробному исследованию звуковой структуры и стихотворной речи, Б. П. Гончаров рассматривает ряд вопросов, мало или совсем не затронутых стиховедами, и часто приходит к интересным, убедительным заключениям. Так, например, большое внимание он уделяет основной стиховой паузе, соотношенной с интонацией речи, но в то же время и независимой от нее характеристике первичного (деление на строки) и вторичного (акцентные отношения в пределах строк) ритма, взаимодействию фонико-ритмических и интонационно-синтаксических законов стихотворной речи, проблемам смысловой выразительности стиховой структуры. Новым является предложение дополнить понятие размера стиха понятием просодического контура, который «характеризует реальные отношения в стихе, так сказать акцентную данность стиха» [1, с. 62] в отличие от метра, который разрывает семантическое единство стиха. Просодический период — явление также метрического порядка, так как метр является его скрытой базой, помогает преодолеть условность и искусственность метрического членения строки.

Если в первой главе Б. П. Гончаров восстанавливает в правах всю звуковую систему стиха и обращается к вопросам, которые по традиции принято считать предметом метрики (строка) и стрфистики (строфа), то во второй главе он обращается к вопросам, многократно и с разных сторон трактованным стиховедами. Поэтому уместно предостережение, что «композиционная, строфическая, сюжетная роль рифмы будут затронуты в меньшей степени» [1, с. 130]. Автора интересует главным образом то, как она «способствует звуковым и смысловым контактам интонационных единиц» [1, с. 136]. Она участвует в образовании первичного и вторичного ритма, выполняет лексическую функцию, потому что способствует мотивированному выделению слова, имеющему «важное смысловое значение» [1, с. 173]. Исходя из убеждения, что «расширение звуковой сферы рифмы приводит к обогащению звуковой палитры стиха» [1, с. 178], Б. П. Гончаров предлагает заменить традиционную классификацию рифм новой, ориентированной на сочетание акустических средств и графических приемов их закрепления в печатном тексте.

Книга Б. П. Гончарова — серьезное исследование. Ее научный аппарат, мотивированная полемика с авторами, методика и выводы которых автор не разделяет, продуманная композиция глав, обоснованные выводы позволяют одобрительно оценить рецензируемый труд. Не придираясь к деталям, рассматривая книгу в целом, позволим себе все же сделать автору некоторые возражения в дискуссионном порядке. Уже в самом начале своего исследования автор пишет: «Специфическое произнесение (курсив наш. — Г.С.) стиха

необходимо для выявления его звуковых особенностей, которые следует изучать с позиций звуковой структуры речи» [1, с. 36]. Чтобы изучать «произносимый» текст, нужно многократно его прослушивать в одинаковом исполнении. Далеко не со всяким текстом удобно и возможно такое обращение. Куда легче текст прочитывать глазами, *про себя*. Бесспорно, такое восприятие преобладает и является основным в настоящее время. Общение осуществляется не по типу «чтец—слушатель», а по типу «поэт—читатель». Воспринятый визуально, звук превращен в знак и «слышимость» его не что иное, как иллюзия, которая зиждется на том, что в любой момент этот «написанный» звук может быть произнесен голосом. Этот-то воображаемый, а на самом деле *читаемый* глазами звук и исследует Б. П. Гончаров. Здесь наблюдается заместительное функционирование органов чувств во время эстетического восприятия: глаз работает вместо уха, но он передает сигнал уху, и мы получаем возможность изучать якобы «звучащую» поэтическую речь. Ссылка на слова А. Луначарского, что стихотворение требует исполнения, не спасает положения. Во-первых, А. Луначарский пишет о том, что поэзия была рассчитана на звучание «первоначально», во-вторых, он подчеркивает, что она в значительной степени растеряла свои тональные свойства за время «окнижения и немоты», а из этого логически следует, что она должна была вместо тональности приобрести новые качества, в-третьих, требование к стихотворению быть исполненным вовсе *не обязательно* считать неперменным во всех случаях. Несомненно, А. Луначарский тонко чувствовал поэзию и в высшей степени изящно изложил свои наблюдения и опасения. Однако за пятьдесят лет, минувших со времени выхода его статьи, письменный и печатный тексты выработали множество средств преодоления «немоты» поэзии, средств, сигнализирующих о свойствах оставшегося произнесенным звука. Условные графические обозначения закрепляют типологические особенности звучания и заменяют слуховое восприятие зрительным, поддерживая вместе с тем иллюзию слушания. Б. П. Гончаров вплотную подошел к признанию важности графических средств, но их перспективности не исследовал, что было мало заметно в момент выхода книги, но ощущается уже сегодня, когда стали появляться специальные исследования на эту тему [2].

Интересны мысли автора и о так называемом *голосоведении* (то есть ведении голоса), но доказательства неполны, так как автор не учел, что кроме уха и замещающего его при «немом» чтении глаза тут подключен еще один орган — гортань. Если ставится цель при помощи голосоведения раскрыть «специфические звуковые связи стиха», то необходимо при помощи специальной аппаратуры выявить природу его. То, что автор «спроецировал» голосоведение на строки и строфы, подключил упорядоченное расположение ударений, клаузулы и рифмы и изобразил эти давно известные явления на таблице, не вызывающей ни акустических, ни даже визуальных представлений [1, с. 41], совершенно затемнило заданную трактовку нового понятия как «объективной акустической основы интонации» [1, с. 38].

Попытка автора найти новые данные для изменения принципов классификации рифмы заслуживает внимания. Однако конкретное решение, предложенное Б. П. Гончаровым, шатко в своей основе. Прежде всего, отказавшись от «устаревшего» нормативного деления рифм на точные и неточные, в своей новой классификации он все же исходит именно из этого деления. Кроме того, избегая будто бы нормативности, он, по сути дела, предлагает уза-

конить новые нормативы, в которых нетрудно запутаться из-за неудобства названий (графико-акустической, акустико-графической принципы, акустическая рифма и т. п.). Смещение понятий чувствуется уже в самих авторских разъяснениях. Правильно отмечая, что «в процессе восприятия стихового текста взаимодействуют визуальный (графический) момент и акустический (произносительный)» [1, с. 150], он не замечает, что здесь отождествляются разные понятия: ведь «визуальный» означает способ восприятия, «графический» — способ закрепления, «акустический» — способ восприятия, «произносительный» — исполнения. Но это уже частности, которые не решают судьбы книги. Важно, что поставлена интересная и значительная проблема, что основные вопросы решены на уровне современного советского стиховедения. Дискуссионные моменты говорят тоже в пользу автора, так как они свидетельствуют о новом и необычном и в приемах исследования и в его выводах.

Л и т е р а т у р а

1. Гончаров Б. П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., «Наука», 1973.
2. Костецкий А. Г. Содержательные функции поэтической графики. Автореф. канд. дис. К., 1975.

Г. К. Сидоренко

*Кафедра истории украинской литературы
Киевского университета*

Труд о русском стихосложении

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., «Наука», 1974.

Судя по заглавию книги, в центре внимания автора находится стих XX века. Однако тематика ее гораздо шире: речь идет о русской стихотворной культуре за два последних столетия.

Автору, ученому разносторонних интересов, плодотворно работающему в области классической филологии, западноевропейской медиэвистики, практики и теории стихотворного перевода, органически присущ исторический, всеохватывающий взгляд на литературу. Он воспринимает ее как единый непрерывный процесс. Поэтому книга М. Л. Гаспарова о современном стихе — это книга о русском стихе вообще. Ученый с исчерпывающей полнотой изучает каждое явление современной поэзии и его историю. Границы исследования и в современности, и в истории определяет сама жизнь стиха, автор стремится дать отчет на основе исчерпывающего исторического знания.

Первая глава — «Квантитативные методы в русском стиховедении: итоги и перспективы» — представляет собой своеобразное введение. Это полезный краткий обзор истории количественных приемов анализа в науке о русском стихе и одновременно их обоснование.